

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

Editorial Board:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

Reviewers:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый – многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй – активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) – воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника – дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants – friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR – Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
<i>Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева.</i> Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
<i>С. Н. Астахов.</i> Сквозь тернии к звездам	35
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
<i>Вл. А. Семенов.</i> Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
<i>С. А. Васильев.</i> Несколько слов о Гале Длужневской	45
<i>А. В. Субботин.</i> Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
<i>Л. А. Чиндина.</i> Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
<i>А. О. Машезерская.</i> Архив возможных отношений	56
<i>А. В. Максимова.</i> Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
<i>Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†).</i> Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
<i>Д. Г. Савинов.</i> Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
<i>К. В. Чугунов.</i> Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
<i>М. Е. Килуновская.</i> Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
<i>А. А. Ковалев.</i> Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
<i>М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†).</i> Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
<i>М. Н. Пшеницына.</i> Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
<i>С. В. Хаврин.</i> О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
<i>В. А. Кисель.</i> Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
<i>С. В. Красниенко.</i> География археологических памятников Назаровской котловины	128
<i>С. В. Панкова.</i> Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
<i>Т. Р. Садыков.</i> Новые данные о городище кокэльской культуры Катлыг 5 в Туве	140
<i>П. М. Леус.</i> Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы	149
<i>Г. Г. Король.</i> Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской	156
<i>В. А. Завьялов.</i> От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)	163
<i>В. И. Распопова.</i> Войлок и мех в живописи Пенджикента	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский.</i> Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов.</i> О роли фотографии в изучении истории археологии	185
<i>Е. В. Бархатова.</i> Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина.</i> «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва.</i> Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири	205
<i>Е. Ю. Захарова.</i> Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле	212
<i>В. А. Алёшкин.</i> Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков.</i> Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву	227
<i>А. Е. Мусин.</i> Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге	240
<i>Н. Д. Моисеева.</i> Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма	264
<i>В. Н. Седых.</i> Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)	270
<i>С. В. Белецкий.</i> Неизвестные фотографии Пскова 1946 года	280
<i>Н. И. Платонова.</i> Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)	285
<i>О. М. Мельникова.</i> Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)	294
<i>В. С. Соболев.</i> «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.	300
<i>В. А. Прищепова.</i> Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.	303
<i>А. Н. Бессуднов.</i> Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage</i>	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyuu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva	149
<i>G. G. Korol.</i> The décor of strap mounts of the Yenisei Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya	156
<i>V. A. Zav'yalov.</i> From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)	163
<i>V. I. Raspopova.</i> Felt and fur in the paintings of Panjakent	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy.</i> Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov.</i> Role of photography in studies of the history of archaeology	185
<i>E. V. Barkhatova.</i> Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina.</i> "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...". A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova.</i> Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia	205
<i>E. Yu. Zakharova.</i> Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland	212
<i>V. A. Alyokshin.</i> Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov.</i> Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev	227
<i>A. E. Musin.</i> The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg	240
<i>N. D. Moiseeva.</i> Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards	264
<i>V. N. Sedykh.</i> A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)	270
<i>S. V. Beletskiy.</i> Unknown photographs of Pskov of 1946	280
<i>N. I. Platonova.</i> Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)	285
<i>O. M. Mel'nikova.</i> North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)	294
<i>V. S. Sobolev.</i> 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstammer. 1776–1783	300
<i>V. A. Prishchepova.</i> Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s	303
<i>A. N. Bessudnov.</i> Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

А. А. Ковалев¹

Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода

Ключевые слова: оленные камни, кенотафы, предскифский период, ранний железный век, Синьцзян, Монгольский Алтай, Восточный Тянь-Шань, Восточная Европа, Северный Кавказ.

Keywords: deer stones, cenotaphs, Early Iron Age, Xinjiang, Mongolian Altai, East Tian-Shan, East Europe, North Caucasus.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-96-103

В конце прошлого века мною была обнародована гипотеза о происхождении традиции оленных камней «западного региона» с территории Монгольского Алтая (Ковалев, 2000. С. 138–180). Основанием для такого вывода послужило, что здесь встречены как оленные камни со всеми специфическими признаками «западных» стел, так и камни, не имеющие черт, также отсутствующих у европейских изваяний. Под специфическими признаками западных оленных камней подразумеваются изображения двух (не трех) косых черт на передней грани, узкой ленты-диадемы и длинного меча, лезвие которого заходит на боковую грань. Эти признаки отделяют оленные камни западного региона от остального массива оленных камней «общевразийского типа», по Волкову (Волков, 2002. С. 19). В статьях 1986, 1992 и 2000 гг. мною было высказано мнение, что «общевразийские» изваяния не могут считаться отдельным типом, а являются всего лишь оленными камнями «саяно-алтайского» облика, на которых отсутствуют изображения животных (Ковалев, 1986. С. 51–56; 2000. С. 171, 173; Kovalev, 1992. S. 77). Условность выявления «общевразийского типа» и особой связи его с «саяно-алтайским» типом отмечал и Д. Г. Савинов (Савинов, 1994. С. 82; 2016. С. 127). В моей статье 2000 г. были приведены также находки предметов «черногорского» облика из Синьцзяна, в том числе бронзовых мечей и кинжалов с уплощенным перекрестьем (типа изображенных на местных оленных камнях), втульчатых наконечников стрел с лавролиственным пером.

Некоторые положения в моей статье вызвали ряд справедливых критических замечаний В. С. Ольхов-

ского и С. Л. Дударева (Ольховский, 2000. С. 253–276; Дударев, 2001. С. 84–100), касающихся как интерпретации облика изображенных на изваяниях предметов, так и хронологии рассматриваемых памятников. Эти замечания, за которые я благодарен коллегам, никоим образом не касаются существа гипотезы о происхождении рассматриваемой традиции. Предложенный мною состав специфических признаков оленных камней западного региона никем не был оспорен. Необходимо оговорить, что при выделении указанных признаков я заведомо не включал в их число изображения местных, «европейских» реалий, не имевших распространения на востоке: кавказские пояса, топоры, бусины типа Михайловского клада и т. п. В то же время очевидно, что прародину оленных камней Европы можно установить, только лишь выделив их специфические признаки на фоне «общевразийского» типа таких изваяний, а не основываясь только на общих характеристиках их или оленных камней Евразии в целом. Общие рассуждения об истоках этого типа статуарных памятников вряд ли могут иметь какой-либо эвристический смысл, тем более не приблизят нас к решению проблемы распространения традиции (миграция или диффузия идей), ее связи с определенным этносом или известными по письменным источникам историческими событиями (проблема «киммерийцев»). Примеры таких общих рассуждений, приводящих авторов к совершенно противоположным выводам, к сожалению, нередки (см. Членова, 2004; Пыслару, 2016. С. 136–143).

Дискуссия, завершившаяся в 2001 г. (Ольховский, 2000. С. 253–276; 2005. С. 18–93), ясно показала, что хотя оленные камни Восточной Европы были первоначально связаны с черногорским контекстом, традиция их изготовления продолжает развитие и в новочеркас-

¹ 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел сохранения археологического наследия. Адрес электронной почты: chemurchek@mail.ru.

ский период вплоть до начала VII в. до н. э. Эти сообщения заставили меня вновь обратиться к интерпретации находок «западных» оленных камней в могильных ямах: ведь в статье 2000 г. исходя из приоритета черногорской атрибуции изваяний, я объяснял такие находки переиспользованием стел при устройстве могил новочеркасского горизонта (Ковалев, 2000. С. 158–161). К такому выводу подталкивали и обстоятельства находок этих оленных камней: в погребении 6 кургана 25 у Кичкаской переправы стела была найдена на глубине 2,6 м в каменно-земляном заполнении, а в кургане 1 у станции Усть-Лабинской «двойной» оленный камень, как выяснилось, был обнаружен на глубине 8 м от вершины кургана ранней (!) частью вверх в каменной насыпи могильной ямы с новочеркасским инвентарем; его случайное попадание в могилу через грабительскую воронку с вершины кургана на такую глубину практически исключено (Там же. С. 160, рис. 11). Если усть-лабинский оленный камень был связан с устройством могилы, следовало предположить, что это изваяние было специально закопано на большую глубину, причем верхом вниз. Такую возможность в 2000 г. я отверг, исходя, как и предшествующие исследователи (Членова, 1984. С. 50–54; Ольховский, 1990. С. 114–115), из соображений «здорового смысла»: предполагалось, что оленные камни являются намогильными памятниками и должны были выставляться на вершинах курганов.

За прошедший с 2000 г. период в ходе масштабных раскопок в Туве и Монголии были получены материалы, принципиально изменившие наши представления о назначении оленных камней. Выяснилось, что эти изваяния использовались в качестве памятников-кенотафов, символизируя отсутствующее тело умершего. Об этом свидетельствуют как контекст оленных камней, устанавливавшихся в Монголии, так и случаи намеренного захоронения оленных камней в курганах алды-бельской культуры Тувы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 99–105; Ковалев и др., 2014. С. 41–54; 2016). Наша экспедиция впервые предприняла раскопки большими площадями ритуальных и ритуально-погребальных комплексов с этими изваяниями: в 2001 г. — херексура Хар говь в горах Монгольского Алтая, в 2006 г. и 2013 г. — двух выдающихся ритуальных комплексов Суртийн дэнж и Ушкийн увэр в Хубсугульском аймаке. При этом комплекс Суртийн дэнж был исследован полностью, а на Ушкийн увэр сплошным раскопом была охвачена площадь как минимум трех обособленных ансамблей, состоявших из изваяний и иных ритуальных объектов. Выяснилось, что в Центральной Монголии вокруг каждого ряда олен-

ных камней сооружался точно такой же комплекс поминальных сооружений, как и вокруг курганов с реальными захоронениями: прямоугольная платформа со стелами, каменные колечки с зольниками (с запада) и каменные насыпи с захороненными останками лошадей (с востока). Так что оленный камень почитался таким же образом, как и захоронение человека. В Западной Монголии оленные камни, напротив, устанавливались рядом с погребальными курганами-херексурами (с оградой, соединенной с насыпью «лучами») или на их насыпи. Однако, несмотря на то что в кургане обнаруживается захоронение одного человека, оленных камней, как правило, гораздо больше. Вероятно, это были символические обозначения других умерших людей, находившихся в родственных отношениях с погребенным в херексуре.

Одновременно в Туве, в алды-бельском кургане 1 могильника Бай-Даг-8, были впервые открыты два несомненных случая намеренного захоронения оленных камней на площади кургана внутри ограды: один камень был уложен на древний горизонт и засыпан выкидом из могильной ямы, второе изваяние было уложено на древний горизонт по линии запад-восток и аккуратно заложено камнями насыпи (Ковалев и др., 2014. С. 51–53). В других алды-бельских курганах оленные камни в горизонтальном положении были захоронены над погребениями (Килуновская, Семенов, 2014. С. 40). Таким образом, и здесь изваяние замещало реального погребенного.

С этой точки зрения нет ничего удивительного в намеренном захоронении оленных камней и в могилах предскифского периода Восточной Европы. В контексте этих данных получает убедительное объяснение феномен «двойных» оленных камней: Усть-Лабинского и Зубовского — если изображение символизировало отсутствующее тело погребенного и камень подлежал захоронению, то его обозрение не предполагалось вовсе.

Единственный восточноевропейский оленный камень, расположение которого в могильной яме нам известно — Усть-Лабинская стела, — обнаружен, как говорилось выше, в заполнении могилы в вертикальном положении. Это сильно отличается от алды-бельских захоронений оленных камней, которые во всех известных случаях были уложены горизонтально (Ковалев и др., 2014. С. 51–52; Килуновская, Семенов, 2014. С. 39–40; Чугунов, 2014. С. 137–139). Могло ли население, давшее начало традициям восточноевропейских оленных камней, захоранивать эти изваяния, в отличие от алды-бельцев, именно в вертикальном положении? Факт обнаружения таких захоронений

оленных камней придал бы дополнительный вес нашей гипотезе о происхождении этих европейских антропоморфов.

Положительный ответ на этот вопрос дали новейшие раскопки в Синьцзяне, где в 2011–2012 гг. были найдены две могилы с оленними камнями, захороненными именно в вертикальном положении.

Курган М32 могильника Нуэрцзя

Краткий отчет о раскопках этого памятника опубликован в журнале «Вэнь» и в коллективной монографии Синьцзянского института культурного наследия и археологии (Синьцзян вэнь, 2013. С. 22–36; 2015. С. 164, 171). Могильник находится на северных склонах Тянь-Шаня, в волости Ашэньли городского уезда Чанцзи Чанцзи-Хуэйского автономного округа. Курган М32 представлял собой каменную насыпь диаметром 10,4 м, высотой 0,4 м (рис. 1, 1). При разборке насыпи в ее центральной части была раскопана подовальная ограда из валунов, уложенных на уровне древнего горизонта, окружавшая скелет особи мелкого рогатого скота без передних конечностей и головы, лежавший на левом боку. К сожалению, данных о точном расположении этого комплекса в публикациях не приводится. Судя по приведенной фотографии, захоронение туши животного не было потревожено постдепозиционными процессами. Сообщается, что после разборки выкладки и скелета животного «при зачистке» (здесь же?) выявилось пятно могильной ямы. Могильная яма почти прямоугольной в плане формы имела размеры 2,4 × 1,1 м и глубину 1,1 м и была ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад (рис. 1, 1–3). При выемке заполнения в северо-западной части ямы был обнаружен олений камень, стоящий в вертикальном положении с наклоном к западу (рис. 1, 2). Верх изваяния, как сообщается, был зафиксирован на глубине 0,7 м. Высота стелы составляет 0,63 м. Таким образом, при глубине ямы 1,1 м основание оленного камня должно было находиться непосредственно на дне могилы, на костях погребенного. Приведенный исследователями план погребения показывает, что погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Как раз на месте нахождения оленного камня располагался череп погребенного, который был, судя по описанию и чертежу, раздавлен просевшим вниз изваянием. Стела не могла быть первоначально установлена на перекрытии на уровне горизонта, поскольку в этом случае при обрушении перекрытия образовалась бы воронка, заполненная камнями насыпи, что не

было зафиксировано при исследованиях. Профиль кургана и план могильной ямы показывают, что перекрытие должно было опираться на невысокие заплечики, и именно на уровне этих заплечиков и был поставлен олений камень, засыпанный каменно-земляной наброской.

На передней грани оленного камня изображены две косые черты — отличительный признак «европейских» изваяний, на левой грани глубоким контррельефом изображено крупное височное кольцо, на правой грани, по описанию, — такое же кольцо, а под ним округлая ямка (?) (рис. 1, 4).

Курган М11 могильника Борат 3 (участок 2)

Об этом памятнике нам известно только по отрывочной информации из трех предварительных публикаций (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2013; 2014). Могильник находится в волости Имик (Воимокэ) уезда Бурчун, к западу от селения Борат (Болатэ). Раскопки проводились в 2011 г. В трех курганах (все с округлыми каменными насыпями высотой до 0,5 м) «участка 2»: М2, М9, М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2011; 2013а) впервые в Синьцзяне обнаружены могилы, представляющие собой земляные ямы с дромосом, отходящим от могильной ямы на восток; «вход» из дромоса в могильную яму закладывался каменными плитами (рис. 2, 1, 2). В кургане М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47) в дромосе был обнаружен вертикально установленный на дне дромоса олений камень, на левой грани которого глубоким контррельефом изображено крупное височное кольцо, ниже — ожерелье (судя по фотографии, огибающее камень как минимум и с тыльной стороны), а еще ниже, как сообщается, барельефно моделирована фигура лошади (? — на фотографии не просматривается) (Юй Цзяньцзюнь, 2014. С. 77) (рис. 2, 3). Судя по фотографии, приведенной в своде памятников археологии уезда Алтай (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47), олений камень был обнаружен в самом начале зачистки дромоса с его восточной стороны, около входа. Вокруг изваяния, в заполнении дромоса, был выявлен каменный заклад, причем на фотографии камни по периметру заклада, видимо, лежат на древнем горизонте, а ближе к оленному камню западают (рис. 2, 1). В дальнейшем, как показывает фотография из публикации 2013 г. (Юй Цзяньцзюнь, 2013б. С. 77), раскопщики снесли каменный заклад и прокопали заполнение дромоса далее к востоку (рис. 2, 2). Полагаю, что олений камень был

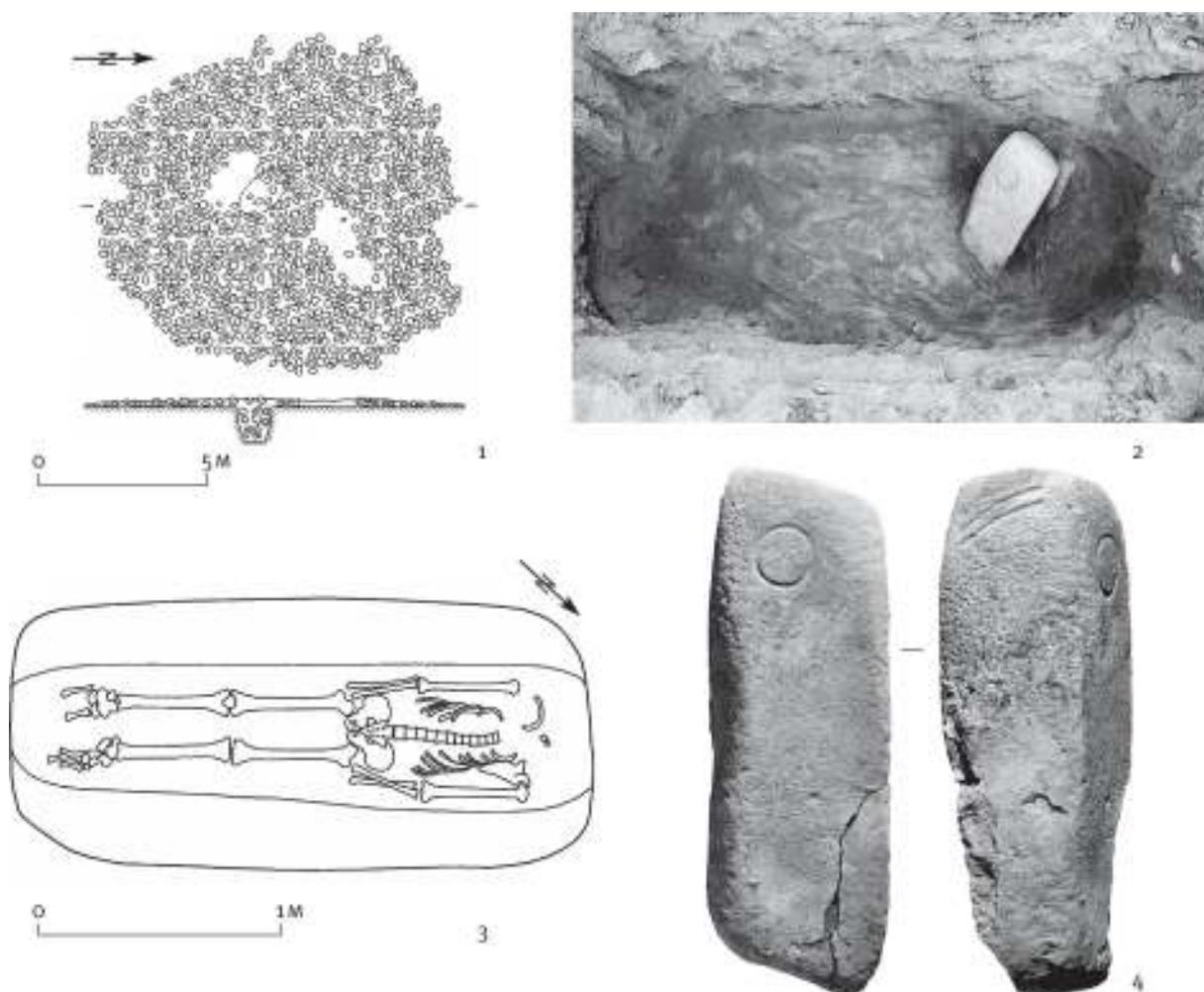

Рис. 1. Курган М32 могильника Нуэрцзя. 1 — план и разрез; 2 — оленный камень в заполнении могилы (вид с северо-востока); 3 — план могилы; 4 — оленный камень (по Синьцзян вэнь, 2015).

Fig. 1. Barrow M32 of Nuerjia (after: *Xinjiang Wenwu*, 2015): 1 — plan and section; 2 — deer stone in the fill of the grave (view from north-east); 3 — plan of the grave; 4 — deer stone (after Синьцзян вэнь, 2015).

вкопан вертикально на всю длину в земляное заполнение дромоса, для устойчивости обложен камнями, а затем перекрыт каменной насыпью кургана.

Судя по опубликованным фотографиям, могила в кургане М11 была устроена наподобие дромосных могил в курганах тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, 2015. С. 24–28; Казахстан в сакскую эпоху, 2017. С. 77–86). Характерными чертами таких памятников является восточное или юго-восточное направление дромоса, устройство каменного заклада между коридором и могилой. Заполнение дромосов тасмолинской культуры различно: иногда прослеживается каменное или деревянное перекрытие и затек в дромос грунта, слагающего насыпь, иногда «участки дромоса завалены камнями» (Бейсенов, 2015.

С. 24). В нашем случае, очевидно, дромос был заполнен землей до сооружения каменной насыпи кургана, поскольку в ином случае запад камней прослеживался бы по всей его длине, а не только в месте установки стелы. С курганами тасмолинской культуры связаны находки антропоморфных изваяний и каменных стел (Бейсенов, 2016. С. 17–22). Однако ни одной стелы, изваяния или тем более оленного камня в дромосах таких курганов не найдено, поэтому захоронение вертикально установленного оленного камня в дромосе необходимо считать следствием реализации местной, синьцзянской традиции.

Время сооружения обоих рассматриваемых курганов может быть установлено лишь приблизительно, по косвенным данным. В кургане Нуэрцзя М32 находок

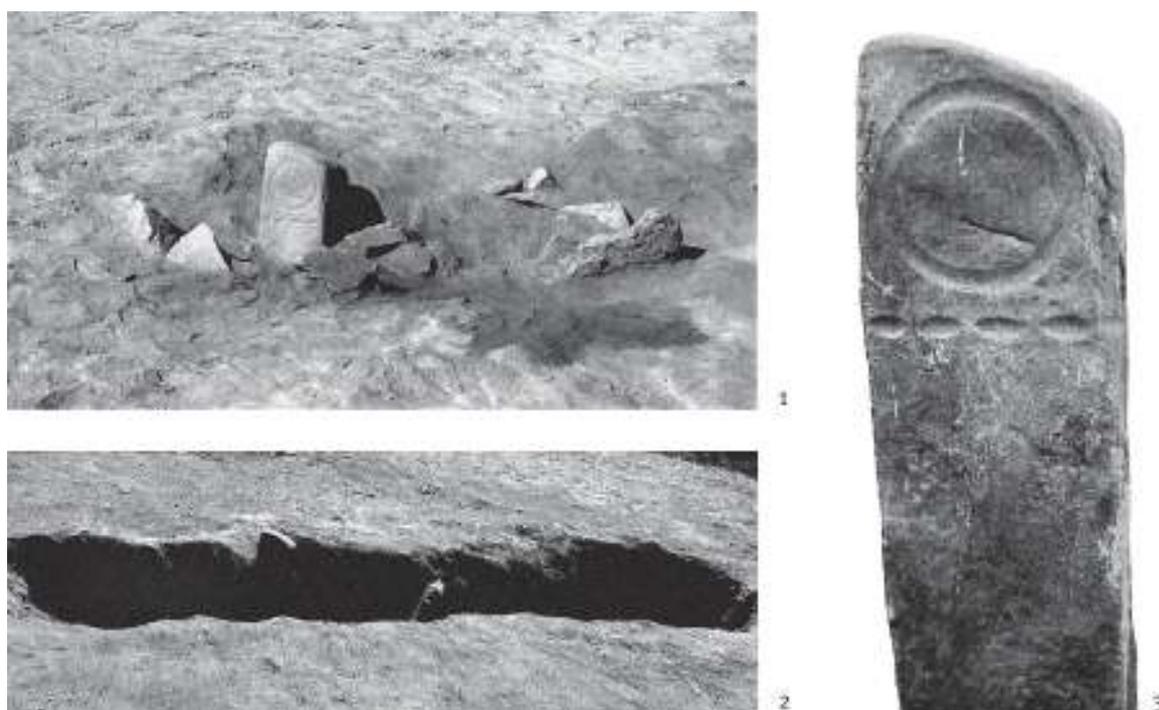

Рис. 2. Курган М11 могильника Борат 3. 1 — начало раскопок дромоса; 2 — дромосная могила с оленным камнем и закладом входа в погребальную камеру; 3 — олений камень (по Синьцзян вэйуэр, 2011а; Юй Цзяньцзюнь, 20136).

Fig. 2. Barrow M11 of Borat 3. 1 — beginning of the excavation of the dromos deer stone in the blocking wall of the entrance to the dromos (after: *Xinjiang Weiwuer*, 2011); 2 — dromos grave pit with deer stone and the blocking wall of the entrance; 3 — deer stone (after Синьцзян вэйуэр, 2011а; Юй Цзяньцзюнь, 20136).

не было, инвентарь кургана М11 могильника Борат 3 не опубликован. Архитектура курганов, особенности погребального обряда и, собственно, находки установленных в заполнении могил оленних камней позволяют отнести эти комплексы к раннескифскому периоду. Очевидно, что рассматриваемые памятники не должны считаться заведомо более ранними, чем оленные камни Европы, связываемые с черногоровским или новочеркасским контекстом. Однако их обнаружение в Синьцзяне говорит о бытовании здесь традиции захоронения оленних камней, истоки которой могут уходить в более глубокую древность.

Оба оленных камня, найденные в могилах Синьцзяна, захоронены в вертикальном положении. Таким же образом была установлена, предположительно, и Усть-Лабинская стела. По набору признаков они не выходят за пределы «восточноевропейского» стандарта подобных изваяний, для которого обычны изображения ожерелья, височных колец и отдельных фигур животных. Особое внимание должно быть обращено на две (не три) косые черты на передней грани изваяния из Нуэрсзя — это специфичный признак для оленных камней западного региона.

Интересно, что в 1993 г. в Синьцзяне был обнаружен еще один олений камень в кургане — над могильной ямой кургана М9 могильника Далункоу (уезд Джимсар (Цзимусаэр) Чанцзи-Хуэйского автономного округа), около 100 км к востоку от могильника Нуэрсзя (Синьцзян вэньу, 1994. С. 3, 4, 8). Курган М9 имел каменно-земляную насыпь диаметром 54 м, высотой в центральной части около 2 м, с северо-запада сопровождался двумя дугами из каменных колечек. Олений камень был найден «в 0,5 м выше устья могильной ямы», в слое «спрессованной земли насыпи», он лежал горизонтально, примерно по линии север-юг. Более точные сведения о его местонахождении отсутствуют. «Устье» могильной ямы имело размеры в плане 4,6 × 4 м, яма двумя уступами спускалась на глубину более 4 м. Могила, судя по опубликованным данным, была начисто ограблена в древности. Установить, является ли расширение верхней части могильной ямы элементом конструкции либо это края грабительской воронки, не представляется возможным, поэтому остается неизвестным, был ли вкопан олений камень в насыпь или заполнение могилы или был изначально установлен на насыпи кургана. Олений камень общей высотой 1,85 м, как и вышеописанные изваяния,

относится к «общеевразийскому типу», с боковых сторон имеет изображения кольцевых «серег», с лицевой стороны — три косые черты, пояс изображен тонкой горизонтальной линией, на боковых сторонах от пояса вниз отходят неясные линии, видимо изображения каких-то предметов. Ниже пояса нанесены неясные рисунки животных (?). Необходимо отметить, что опубликованная в 1994 г. прорисовка изваяния весьма далека от оригинала, что становится ясным при рассмотрении фотографий боковых граней (*Сычюу чжи лу*, 2008. С. 199; Синьцзян вэйуэр, 2011б. С. 197).

За годы, прошедшие со времени выхода в свет моей статьи 2000 г., в Синьцзяне были обнаружены десятки новых оленных камней (Синьцзян вэйуэр, 2011б. С. 152–201). В подавляющем большинстве они относятся к «общеевразийскому типу», некоторые имеют не три, а только две косые черты на передней грани. Контекст их нахождения в большинстве случаев неясен, за исключением оленных камней, устанавливавшихся около херексуров «с лучами» (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2007. С. 99–105; *Ковалев и др.*, 2014. С. 50–51). Однако херексуры «с лучами» распространены только в горах Монгольского Алтая, далее к югу и западу их количество ничтожно мало. Поэтому синьцзянские оленные камни северных предгорий Тянь-Шаня и Джунгарии, скорее всего, связаны с иными видами наземных сооружений. Как установлено работами нашей экспедиции, элитные херексуры «с лучами» и аналогичные рядовые курганы того же времени Монгольского Алтая содержат под насыпью погребальную камеру — высокую цисту с погребением на горизонте (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010. С. 108–110); на Монгольском Алтае вплоть до хуннского времени господствовал обычай захоронения на горизонте (*Зайцева и др.*, 2008. С. 28). Большинство курганов раннескифского времени из северного Синьцзяна западнее и южнее Монгольского Алтая, напротив, имеет погребения в грунтовых ямах (см. Синьцзян Саэньсаи, 2013; Синьцзян Алэтай, 2015. С. 22–215; Синьцзян Чанцзи, 2015). Как раз в таких могилах и были найдены *in situ* рассматриваемые изваяния.

Как известно, погребения, с которыми предположительно могли быть связаны оленные камни Европы, также совершены в грунтовых ямах; обычай захоронения на горизонте для предскифского времени Северного Причерноморья и Северного Кавказа не характерен. Поэтому вершины и восточные склоны Монгольского Алтая можно исключить из предполагаемой прародины европейских оленных камней. Носители этой традиции, вероятно, мигрировали

в Западную Евразию не непосредственно с Алтая, а с земель, прилегающих с севера к Восточному Тянь-Шаню. Были ли этим народом загадочные «киммерийцы», и нашел ли его исход отражение в рассказе Геродота — вопрос, который нужно решать, принимая во внимание, что в этом же районе, между Восточным Тянь-Шанем и Алтаем, находится предполагаемая прародина европейских скифов, двинувшихся на запад следом за киммерийцами (*Ковалев*, 2014. С. 124–136).

Итак, находки изваяний, захороненных в подкурганых могилах Внутренней Азии, служат еще одним аргументом в пользу гипотезы о синьцзянском происхождении «европейской» традиции оленных камней. С другой стороны, эти данные подкрепляют идею о намеренном захоронении европейских оленных камней в могильных ямах.

Литература

- Бейсенов*, 2015 — *Бейсенов А. З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2015.
- Бейсенов*, 2016 — *Бейсенов А. З.* Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 16.
- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М., 2002.
- Дударев*, 2001 — *Дударев С. Л.* О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / гл. ред. А. Б. Белинский. М., 2001.
- Зайцева и др.*, 2008 — *Зайцева Г. И., Ковалев А. А., Тишкин А. А., Дирксен В. Г.* Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века // Труды II(XVIII) ВАС в Суздале / отв. ред. А. П. Деревянко и др. М., 2008. Т. II.
- Казахстан в сакскую эпоху, 2017 — Казахстан в сакскую эпоху. Кол. мон. / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2017.
- Килуновская, Семенов*, 2014 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4).
- Ковалев*, 1986 — *Ковалев А. А.* О культуре оленных камней // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. С. В. Волков. М., 1986. Ч. 1.
- Ковалев*, 2014 — *Ковалев А. А.* Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа

- в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е. Е. Кузминой / ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул, 2014.
- Ковалев, 2000* — Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / отв. ред. В. С. Ольховский. М., 2000.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007* — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2007 (Труды САИПИ; вып. 3).
- Ковалев и др., 2014* — Ковалев А. А., Рукавишников И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов; вып. 4).
- Ковалев и др., 2016* — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн увэр (по результатам исследований 2013 года) // АЭАЕ. 2016. № 44 (1).
- Ольховский, 1990* — Ольховский В. С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3.
- Ольховский, 2000* — Ольховский В. С. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / отв. ред. В. С. Ольховский. М., 2000.
- Ольховский, 2005* — Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Пыслару, 2015* — Пыслару И. Феномен евразийских степей в раннем железном веке и о киммерийцах в Карпатско-Дунайском регионе // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2015.
- Савинов, 1994* — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Савинов, 2016* — Савинов Д. Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // Алтай в кругу евразийских древностей / ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2016.
- Членова, 1984* — Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
- Членова, 2004* — Членова Н. Л. Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004 (Материалы и исследования по археологии России, № 6).
- Чугунов, 2014* — Чугунов К. В. Оленные камни Чинге-Тэя (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов; вып. 4).
- Kovalev, 1992* — Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichbaren Archäologie; Bd. 50).
- На китайском языке:**
- Синьцзян вэйуэр, 2011а — Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Алэтай дицю цзюань (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Округ Алтай) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Пекин, 2011.
- Синьцзян вэйуэр, 2011б — Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Синьцзян цаоюань шижэнь ю луши (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Пекин, 2011.
- Синьцзян вэньу, 1994 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Чанцзи хуйцзу цзычжижюу вэнь гуаньсо Цзимусаэр сянь вэньу гуаньлисо. Цзимусаэр сянь Далункоу гу муцзан (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культуры Чанцзи-Хуэйского автономного округа, Бюро культурного наследия уезда Чжимсар. Древние могильные сооружения в Далункоу, уезд Чжимсар) // Синьцзян вэньу. 1994. №4.
- Синьцзян вэньу, 2013 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжижюу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) // Вэньу. 2013. № 12.
- Синьцзян вэньу, 2015 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжижюу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015.
- Синьцзян Алэтай, 2015 — Синьцзян Алэтай дицю каогу ю лиши вэньцзи (Сборник статей об археологии и истории округа Алтай, Синьцзян) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи у).
- Синьцзян Сазньсаи, 2013 — Синьцзян Сазньсаи муди (Могильник Сазньсаи в Синьцзяне) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2013 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи сань).

Синьцзян Чанци, 2015 — Синьцзян Чанци хуйцзу цзычжижоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанци-Хуэйском автономном округе) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю цункань; чжи сы).

Сычоу чжи лу, 2008 — Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шелковый путь. Древняя культура Синьцзяна) / сост. Ци Сяошань, Ван Бо. Урумчи, 2008.

Юй Цзяньцзюнь, 2011 — Юй Цзяньцзюнь. Буэрцзинь сянь Еламань муцюнь каогу фацзюэ (Археологические раскопки в Еломан, уезд Бурчун) // 2011 вэньу каогу няньбао (Лето-

пись культурного наследия и археологии за 2011 год) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсю (Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района). Урумчи, 2011.

Юй Цзяньцзюнь, 2013а — Юй Цзяньцзюнь. Синьцзян Буэрцзинь сянь Болатэ сань хао муцюнь цянцзю син фацзюэ (Раскопки спасательного типа могильника Борат 3 в уезде Бурчун, Синьцзян) // Чжунго вэньу бао. № 8 (Выпуск 15.03.2013).

Юй Цзяньцзюнь, 2013б — Юй Цзяньцзюнь. Болатэ муцюнь каогу фацзюэ цзи (Записки о раскопках могильника Борат) // Дачжун каогу. 2013б. № 6.

А. А. Ковалев

Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода

Оленные камни, найденные в могилах Синьцзяна, захоронены в вертикальном положении, так же как была предположительно установлена и Усть-Лабинская стела. По набору признаков они не выходят за пределы «восточноевропейского» стандарта подобных изваяний, для которого обычны изображения ожерелья, височных колец и отдельных фигур животных. Особое внимание должно быть обращено на две (не три!) косые черты на передней грани изваяния из Нуэрцзя — это специфичный признак для оленных камней западного региона. Находки изваяний, захо-

роненных в подкурганных могилах Внутренней Азии, служат еще одним аргументом в пользу гипотезы о синьцзянском происхождении «восточноевропейской» традиции оленных камней. С другой стороны, эти данные подкрепляют идею о намеренном захоронении части европейских оленных камней в могильных ямах. В то же время факт намеренного захоронения оленных камней в могилах подтверждает предположение об использовании этих изваяний в качестве памятников-кенотаффов, замещающих реального погребенного.

A. A. Kovalev

Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period

Deer stones found in graves in Xinjiang are buried in the upright position similar to that in which presumably the Ust-Labinsk stele was installed. In terms of their features they do not go beyond the 'East European' standard of sculptures of this kind. Characteristic of the latter are representations of a necklace, temple rings and separate animal figures. Of special note are two (and not three) oblique lines on the face side of the sculpture from Nuerjia which is a specific feature of the deer stones from the

western region. The finds of the sculptures buried in sub-kurgan graves in interior Asia serve as an additional argument in favour of the hypothesis of the Xinjiang provenance of the 'East European' tradition of deer stones. Simultaneously this fact confirms the idea about the intentional interment of some European deer stones in grave pits. At the same time, the fact of deliberate burial of deer stones in graves confirms the assumption of the use of these stelae as cenotaphs, replacing the real buried.